

4. Актуальные проблемы теории права : курс лекций / под ред. К. Б. Толкачева и А. Г. Хабибулина. – Уфа, 1995.
5. Дробязко С. Г., Козлов В. С. Общая теория права : учеб. пособие. – Минск : БИП-С, 2003.
6. Вебер М. Избранные произведения : пер. с нем. – М. : Прогресс, 1990.
7. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. – М. : Соцэкгиз, 1962.
8. Классики кейнсианства : в 2 т. / под ред. З. А. Басыровой. – М. : Экономика, 1997. – Т. 2.
9. Krugman P. Currency Regimes, Capital Flows, and Crises [Electronic resource] / Draft, 27 October 2013. – URL : <https://webspace.princeton.edu/users/prkrugman/Currency%20regimes.pdf>. – Date of access : 03.04.2014.
10. О гарантиях сохранности денежных средств физических лиц, размещенных на счетах и (или) в банковские вклады (депозиты) : Декрет Президента Респ. Беларусь от 4 нояб. 2008 г. № 22 // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014.

Поступила в редакцию 22.04.2014

УДК 321(474/476)(091)(094)

В. Н. Бибило

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ СТАТУТА ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО 1529 г.

В статье рассмотрены политические и правовые аспекты Статута Великого княжества Литовского 1529 г. Изложены причины подготовки Статута. Поддерживается существующее мнение, что в разработке Статута участвовал Ф. Скорина. Статут 1529 г. – конституция феодального государства. В Статуте закреплено правовое положение населения Великого княжества Литовского. Статут 1529 г. носил прогрессивный характер.

The article deals with the political and legal aspects of the Statute of the Grand Duchy of Lithuania, 1529. It lays down the reasons for the preparation of the Statute. The author also supports an existing view that F. Skaryna participated in drafting the Statute. The Statute of 1529 was the Constitution of the feudal state. The Statute establishes the legal status of the population of the Grand Duchy of Lithuania. The Statute of 1529 was progressive.

Ключевые слова: Статут Великого княжества Литовского 1529 г.; конституция; феодальное государство; великий князь; нормы права.

Keywords: the Statute of the Grand Duchy of Lithuania 1529; constitution; feudal state; Grand Duke; legal norms.

Введение. Великое княжество Литовское (далее – ВКЛ) – феодальное государство, образовавшееся в результате объединения ряда княжеств на основе договоров, династических браков, военных действий [1], занимало к началу XVI в. огромные территории между Балтийским и Черным морями и было полиэтническим государством. Кроме местных жителей (ятвяги, дреговичи, кривичи, прусы и др.) в состав населения входили татары, евреи, караимы, немцы и др. Его особенностью было то, что великий князь литовский (великий князь литовский, русский, прусский, жемойтский, мазовецкий и др.) был одновременно и королем польским. В отличие от других европейских государств того периода, где центральная власть находилась в руках монархов, в ВКЛ, наоборот, происходило ограничение власти великого князя. Согласно Городельскому привилею 1413 г. [2, с. 73–79] паны Рады (совет знати) стали обладать широкими правами в решении наиболее важных государственных вопросов. Привилей Казимира 1447 г. [2, с. 80–83] подтвердил право избирать нового монарха после смерти предыдущего. Изданный в 1506 г. привилей Сигизмунда I (Жигимонта Старого) [2, с. 91–94], можно сказать, окончательно лишил великого князя права управлять государством. Даже на сеймы ВКЛ он являлся лишь в исключительных случаях, связанных с решением вопросов войны и мира, взимания налогов [3, с. 305]. Политическая власть была сосредоточена в руках сейма и канцлера ВКЛ. С 1492 г. в Вильне стали проходить заседания вального (общегосударственного) сейма. На заседаниях местных сеймиков решались вопросы воинских повинностей, местных налогов и должностей, а также избрание «депутатов» на вальный сейм.

Статус населения ВКЛ, как и любого феодального государства, был разным. Так, удельные князья, являющиеся крупными землевладельцами, превратились в магнатов (от лат. *magnus* – великий), входивших в состав панов Рады. Они занимали самые высокие должности в государстве. Средние и мелкие феодалы обязаны были нести воинскую службу. В XIII–XIV вв. эту категорию служилых людей именовали боярами, но после Городельского привилея 1413 г. [2, с. 73–79] по образцу Польши – шляхтой (от нем. *slahta* – род, порода). Шляхта в ВКЛ была достаточно многочисленна. Именно из ее среды формировалось ополчение (посполитое рушение). Мелкая шляхта служила в частных войсках магнатов. Лично свободное население городов и местечек называлось мещанами. Высший слой горожан составляли богатые купцы. Крестьяне – самая многочисленная часть

населения ВКЛ. Они делились: на тягловых, отбывавших панщину; осадных, плативших оброк; слуг, занятых в хозяйстве землевладельцев; огородников, являвшихся самой бедной частью крестьян [4, с. 27–64; 5, с. 69–80; 7, с. 40–48; 8, с. 209–215].

Своеобразный колорит различных этносов вынуждал монархов учитывать их интересы. Татары взамен несения воинской службы получали земельные наделы, что позволяло перейти в сословие шляхты. Развитию ремесел, торговли способствовали евреи. Они имели свои органы самоуправления (кагал, сеймики) и суд [9, с. 22]. Усиление роли евреев в области хозяйственной жизни, ее вооружения, финансов [4, с. 63–64; 10, с. 71–88; 11, с. 73–93] привело к участию в определении политики государства.

Важной особенностью ВКЛ было то, что к первой четверти XVI в. почти все крупные населенные пункты обладали правом самоуправления на основе Магдебургского права [12; 13, с. 75–78].

Основная часть населения ВКЛ исповедовала православие либо католицизм. Став польским королем, Ягайла под нажимом католического духовенства и польской шляхты издал 20 февраля 1387 г. привилей, положивший начало окатоличиванию населения ВКЛ [14, с. 39–41] и дискриминации православных. В 1388 г. для подавления возмущения населения Витебской и Полоцкой земель даже использовались польские силы. Сепаратистские тенденции существовали в ВКЛ не только тогда, когда уния с Польшей была не столь прочной. Недовольство православной знати первым использовал Витовт, который предпринял шаги к образованию русско-литовского королевства, противостоящего как Польше, так и Москве. Однако и он впоследствии пошел на уступки, и тотальное окатоличивание стало не столь явным. С избранием в 1430 г. на великокняжеский престол Свидригайло, сторонника самостоятельности ВКЛ, отношения с Польшей настолько испортились, что дело дошло даже до военных действий против Польши. Через несколько лет после смерти Ягайлы (1434 г.) уния с Польшей перестала существовать. В последующем уния то прекращалась, то возобновлялась. После избрания Сигизмунда I польским королем уния сохранилась и существовала также после вступления на польский трон Сигизмунда II Августа. Конечно, и в период унии различий между православными и католиками в вопросах права собственности, можно сказать, не было, в том числе и на землю. Православные могли занимать должности местного значения,

некоторые даже входили в состав панов Рады. Однако доступ к самым высоким должностям в ВКЛ им был затруднен.

Именно на таком общественно-политическом, этническом и религиозном фоне был принят Статут ВКЛ 1529 г. [15]. Историография его обширна и достаточно подробно изложена в фундаментальном труде «Первый Литовский Статут (1529 г.)», авторами которого являются С. Лазутка, И. Валиконите, Э. Гудавичюс [16, с. 11–43]. Определенный вклад в изучение Статута 1529 г. внесла современная белорусская школа историков права, основоположником которой является И. А. Юхо.

Интерес к Статуту 1529 г. не ослабевает. Появляются все новые и новые публикации, касающиеся различных его сторон. В настоящей работе особое внимание уделяется заинтересованности различных сословий в подготовке и принятии Статута, рассматриваются возможные его составители, проводится исследование, к какому типу нормативных правовых актов можно отнести Статут ВКЛ 1529 г.

Политические аспекты Статута ВКЛ 1529 г. К началу XVI в. во многих крупных феодальных государствах уже существовало кодифицированное право [17, с. 505–507; 18, с. 41–52]. Однако оно касалось в основном судоустройства и судопроизводства. Даже такой широкий по охвату правового регулирования и пространный по содержанию сербский источник феодального права, как «Законник Стефана Душана», принятый в 1349 г., хотя и кодифицировал обычное и каноническое право, а также судебную практику, оформлял лишь право собственности феодалов, не касаясь их общественно-политического статуса [19].

В ВКЛ как общеземские (общегосударственные), так и областные привилеи были локальными, распространяясь лишь на определенный социальный слой людей либо сферу их деятельности. Более того, каждый новый великий князь при вступлении на престол должен был выдавать областные привилеи, подтверждающие статус той или иной земли, закрепленный в привилеях предыдущих великих князей. Оказывалось, что земли имели различные права. В какой-то мере данное явление нейтрализовали привилеи на Магдебургское право. Тем не менее пришло время принять общегосударственный нормативный правовой акт с учетом уже имеющегося опыта и политических реалий. Как правильно отмечал В. И. Пичета, «с ростом экономических связей между отдельными областями Великого княжества постепенно исчезала феодальная раздробленность и укреплялся авторитет центрального правительства на местах. Укрепление политического един-

ства Великого княжества Литовского тоже настоятельно требовало кодификации феодального права, действию которого был бы подчинен весь класс землевладельцев» [17, с. 504]. В связи с этим подготовка и принятие Статута 1529 г. были действительно грандиозной государственной правовой программой и «своего рода вызовом времени» [16, с. 47]. Впервые вопрос о Статуте был поставлен великим князем Александром в 1501 г. в привилее Волинской земле: «Тогда вси земли наши одного права держати мають и одним правом сужены будут подле Статуту» [20, с. 73]. Вместе с тем прошел значительный период времени, прежде чем Статут был принят. Почему так растянулся процесс подготовки Статута или все-таки это было необходимо для поиска компромиссного варианта? В. И. Пичета писал: «Вопрос о кодификации феодального права Великого княжества Литовского имеет свою историю. Однако отсутствие положительных данных лишает исследователя возможности восстановить полностью историю составления Статута 1529 г. и той борьбы, которая происходила вокруг него. Эта борьба была неизбежной, так как магнатские круги прекрасно понимали, что издание письменного свода законов существенно заденет и ограничит их права. Длительная борьба, завязавшаяся вокруг Статута, служит прекрасным доказательством того, что крупные землевладельцы напрягли все усилия, чтобы не допустить издания письменного свода законов феодального права» [17, с. 507].

Действительно, отсутствие артефактов мешает восстановить ход подготовки Статута 1529 г. Вместе с тем надо учитывать общественно-политическую обстановку, сложившуюся в ВКЛ в тот период, религиозную ориентацию знати, положение шляхты. Именно магнаты-католики не были заинтересованы в появлении Статута, поскольку существовала, по их мнению, опасность, что православные магнаты получат такие же политические права, а значит, смогут занимать самые высокие должности в ВКЛ, и тогда не исключено, что связи с Польшей ослабятся. Поэтому только частично можно согласиться с мнением, что «могущественная верхушка панов и князей была больше заинтересована в узаконении своих исключительных привилегий на государственную власть и на собственнические права на огромные богатства, прежде всего обширное землевладение» [16, с. 55]. Как раз собственность надежно защищалась правом, по крайней мере, начиная с привилея Казимира от 2 мая 1447 г., где отмечалось, что прелатам, княжатам, шляхтичам, боярам, мещанам земель ВКЛ «даруются» те же права, что и аналогичным субъектам в Польше [21, с. 64]. Индивиду-

дуальное правосознание в ту эпоху больше ориентировалось на наличие правовых актов в отношении конкретных лиц. Личные «иммунитеты» обладали преимуществом перед абстрактными нормами права.

Следует принимать во внимание также факт геополитического положения ВКЛ и его историческое прошлое. Частые войны с Московским княжеством за земли Киевской Руси, отошедшие к ВКЛ, являлись препятствием к более активной работе по разработке Статута. Сложным оставался и вопрос о «серебщине» – налогах, которые стали взиматься со шляхты по мере необходимости (чрезвычайный сбор), вместо регулярной денежной подати. В то же время крупные землевладельцы освобождались от «серебщины». Такое господствующее положение магнатов вызывало недовольство шляхты. Ведь именно на шляхте держалась военная мощь ВКЛ. Тяготы ее участия в военных действиях не всегда оценивались по достоинству в виде земельных наделов. Присутствовавшая на сеймах шляхта периодически инициировала вопрос о «письменных правах», являясь своеобразным «лобби».

После смерти Александра и вступления в 1506 г. на престол Польши и ВКЛ Сигизмунда I, казалось бы, работа по подготовке Статута должна была оживиться. Однако этого не случилось. Появилось много первоочередных государственных дел, связанных с внешней и внутренней политикой ВКЛ: мятеж М. Глинского, а затем и война с Московским княжеством. 1 августа 1514 г. русские войска заняли Смоленск. Продвижение войск Московского княжества было остановлено в результате их сокрушительного поражения под Оршей 8 сентября 1514 г., которое они потерпели от войск ВКЛ под командованием великого гетмана К. И. Острожского. Только в 1522 г. на сейме в Гродно вновь возник вопрос о Статуте. От имени великого князя Сигизмунда I было объявлено, что он издал эдикт о Статуте [3, с. 227]. В изданном на латинском языке эдикте отмечалось, что для «одинаковой справедливости» вводится письменный закон [22, с. 319]. Уже на виленском сейме, созванном летом 1522 г., обсуждался текст Статута. Такой быстрый ход событий С. А. Лазутка связывает с тем, что к тому времени паны Рады не обладали политической силой и авторитетом, а отдельные магнаты не подчинялись ее распоряжениям. «Такое положение с новой силой возродило идеи об отдельном от Польши государе» [23, с. 71]. Об этом знали Сигизмунд I и королева Бона Сфорца. В интересах королевской семьи было обеспечить великокняжеский престол их сыну Сигизмунду Августу еще при жизни отца.

Следует согласиться с С. Лазуткой, И. Великоните и Э. Гудавичюсом, что Статут на виленском сейме не только обсуждался, но и был принят. Об этом определенно говорится в упомянутом эдикте Сигизмунда I, в котором он «приказывает отпечатать милостиво пожалованный своим подданным Статут» [16, с. 58]. Однако «Статут не только не был отпечатан, но и не стал в то время действующим. Он обсуждался еще на нескольких сеймах и редактировался 7 лет» [16, с. 59].

В. И. Пичета пришел к выводу, что «Сигизмунд несколько поспешил с опубликованием своего эдикта, так как на сейме 1522 г. был принят не весь проект представленного Статута» [17, с. 508]. Вряд ли в ту эпоху проект Статута принимался наподобие современного «постатейного» голосования, тем более что «станы» сейма требовали «письменных прав». Важным было наконец завершить работу над Статутом.

В 1524 г. на сейме, собравшемся в Берестье, Сигизмунд I через своего секретаря вновь предпринял попытку обнародования Статута [17, с. 508]. Однако и на этот раз усилия оказались безрезультатными.

Сомнения не вызывает, что первый Статут 1522 г. был подготовлен в великокняжеской канцелярии, которую до своей смерти, последовавшей в начале 1522 г., возглавлял Н. Н. Радзивилл [24, с. 493]. Надо учитывать то обстоятельство, что аналогичных Статуту нормативных правовых актов в Европе не было. Для того чтобы подготовить документ такого уровня, необходимо было иметь глубокие познания в юридической теории и практике. Среди фамилии магнатов Радзивиллов в начале XVI в. были воеводы, судьи, каштеляны, маршалки, епископы, гетманы. Достигшим вершин власти Радзивиллам «могла еще достаться и заманчивая слава кодификаторов будущего впечатляющего свода законов ВКЛ» [16, с. 55]. Но после смерти Н. Н. Радзивилла никто из фамилии Радзивиллов не был назначен виленским воеводой и канцлером ВКЛ. Им стал Альбрехт Гаштольд. Дальнейшая борьба за обсуждение Статута и его обнародование связана с его именем.

Альбрехт Гаштольд стал виленским воеводой в марте 1522 г., а канцлером ВКЛ в июне того же года, т. е. тогда, когда начался виленский сейм. Поэтому он не мог не только участвовать в разработке Статута 1522 г., но и помешать его принятию в 1522 г.

Между Радзивиллами и А. Гаштольдом существовала давняя вражда, которая возобновилась с новой силой после того, как Радзивиллы сумели доказать участие А. Гаштольда в мятеже М. Глинского,

т. е. в государственной измене. Через несколько лет А. Гаштольд удалось оправдаться, и в 1513 г. он был назначен полоцким воеводой, а в 1519 г. – трокским воеводой [25, с. 517]. Тем не менее назначение А. Гаштольда канцлером ВКЛ стало неожиданностью. На должность виленского воеводы и канцлера ВКЛ мог претендовать, например, К. И. Острожский – князь, магнат, великий гетман, победитель битвы с русским войском 8 сентября 1514 г. под Оршей [25, с. 260–261]. Более того, Сигизмунду I пришлось оправдываться перед панами Рады в том, что он в 1522 г. на освободившуюся после А. Гаштольда должность трокского воеводы назначил православного К. И. Острожского ввиду его больших личных заслуг перед государством, и пообещать, что в будущем ни он, ни его потомки не будут иметь такие звания и должности без совета с панами Рады [23, с. 62].

Как уже отмечалось, в ВКЛ витала идея о самостоятельности государства и прекращении унии с Польшей или хотя бы об отдельном великом князе. Не исключено, что быть великим князем ВКЛ мечтали многие. Такая надежда теплилась и у А. Гаштольда. Именно он предпринял шаги к ее реализации. Это выражалось, во-первых, в том, что он не обнародовал Статут 1522 г., если он действительно был принят; медлил с подготовкой Статута 1529 г., растянув ее на семь лет; в-третьих, не реагировал на повеления монарха Сигизмунда I об ускорении работы над Статутом, в чем была заинтересована королевская семья, поскольку связывала этот факт с избранием великим князем ВКЛ своего сына Сигизмунда Августа, родившегося в 1520 г. [25, с. 628]; в-четвертых, уверял королеву Бону, что бывший канцлер Н. Н. Радзивилл пытался узурпировать государственную власть; в-пятых, после принятия сеймом Статута 1529 г. А. Гаштольд утратил интерес к его эффективному применению.

Статут ВКЛ был представлен в 1528 г. виленскому сейму, который с перерывами проходил около года [3, с. 251–252]. На сейме при поддержке панов Рады и шляхты великим князем ВКЛ был избран 9-летний Сигизмунд Август. Вскоре он был избран и польским королем. Таким образом, в ВКЛ стало два великих князя: Сигизмунд I и Сигизмунд II Август [25, с. 628–629]. На этом же сейме в 1529 г. был принят Статут ВКЛ 1529 г. и Сигизмунд I объявил об его действии.

Статут ВКЛ 1529 г. в свое время не был опубликован. Сохранилось множество его рукописных списков. Переводы Статута с белорусского языка на латинский (1530 г.) и польский (1532 г.) также остались в рукописях [15, с. 3].

Будучи виленским воеводой и канцлером ВКЛ, А. Гаштольд забитился об укреплении своего авторитета. В 1529 г. он получил графский титул от папы римского Климента VII, а затем и от императора Карла V. Однако из-за вражды с королевой Боной он утратил значительную часть своих латифундий, как компактно расположенных, так и разбросанных по всей территории ВКЛ, которые он приобретал путем купли, обмена или насильственного захвата [25, с. 517].

Вопрос о том, кто же участвовал в подготовке Статута ВКЛ 1529 г., давно обсуждается в науке. Конечно, Статут был подготовлен под надзором канцлера ВКЛ. Проведший большую часть своей жизни в военных походах, А. Гаштольд вряд ли был одним из его авторов. Но кто же мог быть причастен к составлению такого уникального нормативного правового акта? Высказаны различные предположения, поскольку нет каких-либо прямых сведений на этот счет.

Польский исследователь Ю. Бардах отмечает: «Проект I Статута был представлен сейму в 1522 г., но окончательный текст был утвержден лишь на виленском сейме 1528–1529 гг. как право, имеющее силу для всех жителей Великого княжества независимо от сословия. Что касается редакторов I Статута, то чаще всего называют имя Альбрехта Гаштольда – воеводы виленского и канцлера Великого княжества. Исследователи исходят из предпосылки, что в силу своего служебного положения он должен был руководить кодификационной деятельностью. Вероятно (хотя это снова гипотеза), он привлек к сотрудничеству двух докторов права из Виленской капитулы – Е. Талиата из Ейшишек и Вацлава Чирка, родовитых литвинов, которые были представителями самого высокого уровня правовой науки того времени и знатоками правовой деятельности Великого княжества» [26, с. 74]. Возможно, на каком-то этапе указанные доктора права и были привлечены к разработке Статута, поскольку его подготовка растянулась на длительное время.

Исследуя источники белорусско-литовского права, И. А. Юхо пришел к выводу, что установить, кто участвовал в подготовке Статута 1529 г., теперь невозможно, и обратил внимание на тот факт, что из известных ученых-юристов, которые жили в то время в Вильне, где велась основная работа по подготовке Статута, можно назвать выдающегося ученого-гуманиста Франциска Скорину, который в то время издавал книги на белорусском языке. Он имел самое высокое для того времени юридическое образование и, вероятно, участвовал в подготовке проекта Статута [27, с. 75–76].

Современный белорусский конституционалист М. Ф. Чудаков, выражая несогласие с предположением И. А. Юхо, отмечает: «Нам кажется, что это чисто гипотетическое предположение, так как в те времена хорошего образования все-таки было недостаточно, чтобы попасть в состав группы людей, создающих акт наивысшего значения. Необходимо было занимать какую-либо должность либо иметь высокий церковный сан» [28, с. 107].

В то же время убедительны выводы известного белорусского ученого В. М. Конона, отмечавшего, что «система письменного права Великого княжества Литовского отразила гуманистические идеи эпохи и была одной из наиболее прогрессивных в тогдашней Европе. Она отчасти воплотила в жизнь государственно-правовые идеи Ф. Скорины <...>. По своей структуре Статут 1529 г. соответствует классификации законов, выдвинутой первопечатником в 1519 г.» [29, с. 103].

Биографические сведения о Ф. Скорине позволяют утверждать, что он был причастен к подготовке Статута 1529 г., во всяком случае на первоначальном его этапе. Известно, что Ф. Скорина переехал в 1519 г. в Вильню, где основал типографию, первую в ВКЛ, издал «Малую подорожную книжицу» и «Апостол». Его книги содержали тексты от издателя (предисловия, комментарии, послесловия и даже гравюры) [30]. Вскоре его издательская деятельность прекратилась. Один за другим стали умирать его спонсоры [8, с. 224]. По рекомендации А. Гаштольда [25, с. 517] прусский герцог Альбрехт пригласил Ф. Скорину для организации книгопечатания в Кёнигсберге. Однако в связи со смертью жены, оставившей маленького сына, Ф. Скорина в 1529 г. вернулся в Вильню. Узнав, что Ф. Скорину преследуют кредиторы, Сигизмунд I издал привилей, которым взял Ф. Скорину под защиту и опеку, запретив его задерживать, арестовывать и судить «под страхом тяжелого покарания по нашему осуждению» и обещая «одарить его особенной нашей лаской» [31, с. 218].

Был ли Ф. Скорина сотрудником великокняжеской канцелярии, неизвестно. Важно то, что виленский воевода и канцлер ВКЛ Н. Н. Радзивилл разрешил ему организовать типографию. Возможно, Н. Н. Радзивилл, как и К. И. Острожский, был меценатом Ф. Скорины.

Начатый В. М. Кононом сравнительный анализ государственно-правовых воззрений Ф. Скорины и норм Статута ВКЛ 1529 г. необходимо продолжить. К сожалению, тексты Статутов (проектов) 1522 г. и 1524 г. неизвестны.

Правовые аспекты Статута ВКЛ 1529 г. К какому же типу нормативных правовых актов можно отнести Статут Великого княжества Литовского 1529 г.? Согласно Слуцкому списку Статута ВКЛ 1529 г., он озаглавлен так: «Права писанные даны панству великому князству литовскому, рускому, жомойтскому и иных через наяснейшого пана Жикгимонта, з божее милости короля полского, великого князя литовского, руского, пруского, жомойтского, мазовецкого и иных» [15, с. 31]. В переводе на современный русский язык и соответственно юридической терминологии «Права писанные» – это «Законы» [15, с. 132]. Они начали исследоваться в научной литературе с начала XIX в. под названием «Литовский статут» (своеобразной аббревиатуры). Это название сохраняется и в работах некоторых современных авторов. Использование названия «статут» (от лат. *statutum* – устав, положение о правах и обязанностях, свод правил [32, с. 591]) произошло ввиду распространенности латинской юридической терминологии. А «Литовский» – в связи с тем, что вокруг литовского княжества объединились соседние княжества. В современной белорусской юридической науке вместо названия «Литовский статут» используется его уточненное название «Статут Великого княжества Литовского 1529 года», которое в большей мере соответствует первоначальному названию рассматриваемого нормативного правового акта.

И. А. Юхо пришел к выводу, что по своему содержанию Статут 1529 г. не был кодексом, как это ошибочно полагают некоторые историки. Кодексом, по мнению ученого, является законодательный акт, в котором систематизированно изложены нормы права, принадлежащие к какой-нибудь одной отрасли. В Статуте же собраны и размещены в определенном порядке нормы государственного, земельного, административного, семейного, гражданского, уголовного, процессуального и иных отраслей права [27, с. 76].

Такого же мнения придерживается и Т. И. Довнар, уточнившая, что Статут 1529 г. по своему содержанию был первым в Европе сводом законов [6, с. 166–167].

Следует отметить, что Статут 1529 г. действительно не был кодексом. Кодексами были такие средневековые нормативные правовые акты, как «Законник Стефана Душана» и «Судебник великого князя Литовского Казимира 1468 г.» и др. Но Статут 1529 г. не был и сводом законов. При этом надо иметь в виду, что по своей природе свод законов – это систематизация в виде консолидации уже существующих нормативных правовых актов либо, по крайней мере, норм права.

Кодификация же предполагает правотворческую деятельность, поиски и закрепление новых норм права, учет уровня общественного развития и правосознания людей на момент правообразования, что не означает полного отказа от норм права, проверенных временем, но они получают иную формализацию и им придается новое значение. Дифференцируя такие процессы, как систематизация и совершенствование права, Н. В. Сильченко отмечает: «Совершенствование законодательства – явление более объемное, чем систематизация и, кроме совершенствования действующих источников права по форме и содержанию, выполняет иные социально-правовые моменты, в том числе и процессы образования и реализации действующего права» [33, с. 197]. Конечно, средневековые и современные кодексы различаются между собой по форме и содержанию. Но здесь важен сам подход. Кодификация исторически начиналась с определения возможностей суда по рассмотрению конфликтов между людьми. Современные же кодексы регламентируют широкий круг общественных отношений. Причем в XX в., особенно во второй его половине, при создании кодексов наблюдалось стремление поместить в них нормы какой-либо одной отрасли права. Но в настоящее время наметился иной подход: комплексное регулирование именно сфер деятельности, что вызывает необходимость использовать нормы права, принадлежащие разным, хотя и близким, отраслям права.

Среди средневековых источников права Статут Великого княжества Литовского 1529 г. занимает особое место. Не случайно полемика вокруг его типологии продолжается и в XXI в. Так, Б. А. Осипян считает, что «Статут 1529 г. представлял собой сводный кодекс <...>, прототип Основного Закона – Конституции» [34, с. 96].

В какой-то мере противоречиво и мнение М. Ф. Чудакова, который, с одной стороны, отмечает, что Статут 1529 г. – это «Судебник», а с другой – утверждает, что «протоконституция». Автор пишет, что это «систематизированный и кодифицированный по отраслям права “Судебник”, т. е. акт, предназначенный прежде всего для судебного, а не политико-правового использования. Конституция в принципе не может и не должна содержать нормы, включающие конкретные санкции (12 рублей штрафа и т. д.). <...> Статут 1529 г. – именно тот акт, который, как мы полагаем, можно назвать “протоконституция”, акт, из которого, как и из других актов мирового значения, в конечном итоге выросли сначала идеи о конституциях как основных законах, а затем – современные конституции как таковые» [28, с. 115].

На проходившей в Минске 26 марта 1999 г. научной конференции «Магдебургское право на Беларуси», посвященной 500-летию выдачи городу Минску грамоты на Магдебургское право, автором данных строк выдвинута идея, что Статут Великого княжества Литовского 1529 г. – конституция феодального государства [35, с. 46–48; 36, с. 129–131; 37, с. 101–104]. В пользу этого мнения говорит не только общественно-политическая ситуация, сложившаяся в Великом княжестве Литовском в первой четверти XVI в., но также структура и содержание Статута 1529 г. Хотя понятие конституционализма и является несколько вариативным [38, с. 48–57], но его квинтэссенцию составляют: наличие общегосударственного нормативного правового акта, содержащего преамбулу; ограничение государственной власти свободой подвластных; институционализация публичной власти; доступ к правосудию и гарантии против злоупотребления судей; высокий уровень юридической техники. Все эти атрибуты присущи Статуту ВКЛ 1529 г.

Статут ВКЛ 1529 г. состоит из норм, присущих природе конституции, имеющей прямое действие. Нормы права не персонифицированы, абстрактны. Среди них содержатся нормы-идеи, нормы-цели, нормы-принципы, нормы-статусы, что позволяет отнести их к общим нормам права. Наряду с ними размещены и конкретные нормы, содержащие описание ситуационных особенностей. Все они обладают регулятивными возможностями, распространяясь на широкий круг общественных отношений. Статутом, конечно, не регламентировались локальные сферы государственной деятельности, например ведение делопроизводства в канцелярии ВКЛ, в обязанности которой входило документирование решений великого князя, Рады и Сейма [39, с. 39]. Как отмечает Ю. Бардах, правила документооборота устанавливались канцлером ВКЛ [40, с. 156–183].

Идеей консолидации всего населения ВКЛ проникнуты нормы Статута, что важно было для противостояния военной, религиозной, юридической экспансии с запада и с востока. В Статуте содержатся не только нормы права, закрепляющие достигнутый уровень развития, но и нормы, ориентированные на будущее. Так, в ст. 2 третьего раздела сказано, что великий князь обязуется расширять Великое княжество, возвращать те его владения, которые несправедливо отторгнуты [15, с. 148]. В развитие суверенитета и целостности ВКЛ сформулирована ст. 3 третьего раздела, где содержится положение: «Также обязуемся и обещаем, что в наших землях Великого княжества ни мы, ни

наши потомки никому из чужестранцев не будем давать в собственность и во владение земель, замков, городов и каких-либо званий и чинов, но только местным уроженцам тех земель названного выше нашего Великого княжества» [15, с. 48]. Данная норма актуально звучит и сегодня, в особенности в государствах, возникших на постсоветском пространстве.

Структурно Статут содержал 13 разделов. В нем определено социально-правовое положение великого князя (разд. 1), установлены правила несения воинской службы (разд. 2), изложены права и свободы шляхты (разд. 3), определены правила наследования и вступления в брак (разд. 4), сформулированы нормы опекунского права (разд. 5), установлены статус и полномочия судей (разд. 6), содержатся нормы уголовного права (разд. 7), земельного права (разд. 8), природоохранного права (разд. 9), залогового права (разд. 10), возмещение вреда, причиненного преступлением (разд. 11), торгового права (разд. 12), установлены правовые формы защиты права собственности (разд. 13).

Особое место в структуре Статута ВКЛ 1529 г. занимает его преамбула. В ней подчеркивается, что Статут распространяет свое действие на всех коренных жителей ВКЛ, независимо от их сословия и от того, являются ли они католиками или православными. Великий князь единолично клянется на святом Евангелии соблюдать обычаи и статьи Статута, «приказывая считать их имеющими силу на вечные времена» [15, с. 132]. Заметим, что преамбула Статута носит регулятивный характер и не является чем-то вроде аннотации.

Разделение властей в Статуте не имеет своего выражения в виде нормы-принципа, но существует как пронизывающая весь Статут идея, реализованная в ряде конкретных норм. Например, в третьем разделе (ст. 6) сказано, что великий князь обязуется принимать постановления «с ведома, совета и согласия» панов Рады [15, с. 149].

Особое место в Статуте отведено судам, хотя судебная власть еще не была четко отделена от исполнительной, поскольку функцию правосудия могли осуществлять наряду с судьями еще и воевода, староста, маршалок, державцы (управляющие великокняжескими имениями, власть которых распространялась на волость или повет). Но в таком случае в рассмотрении дела должны были участвовать два «землянина» (шляхтича-землевладельца), а без этих присяжных панов «землян» не должны судить [15, с. 167]. Такой «общественный» контроль способствовал справедливому правосудию. Важной гарантией служила норма о том, что никто не должен быть наказан, если его ви-

на не будет установлена судом. По существу, это и есть презумпция невиновности. Суд являлся арбитром в разрешении конфликта. Он оценивал лишь то, что представлено сторонами. Ему было известно содержание только искового заявления. Правосудие осуществлялось на основе Статута, обычая и собственного усмотрения судей [15, с. 166]. Эта важная оговорка свидетельствует о силе судебной власти, авторитете судей и доверии, которое им оказывает государство. Это не означает, что судьи не были ответственны за несправедливый приговор. Если судья вынес приговор не в соответствии со Статутом и стороне причинен ущерб от этого, то судья должен был возместить ущерб и издержки, а приговор аннулировался. Судья таким образом нес личную ответственность перед сторонами. Государство не возмещало ущерб такого рода, что обязывало судей быть осмотрительными при вынесении приговора и искать компромиссное для сторон решение, за исключением тех случаев, когда норма права устанавливала абсолютно определенные санкции.

Авторитет суда укрепляли нормы, обеспечивающие ответственность за проявленное неуважение к суду, которое могло выразиться, например, в обнажении перед судом сабли или меча, учинении беспорядков. В свою очередь, Статут обязывал судей соблюдать нормы нравственности.

Наличие конкретных норм права, содержащих пространные диспозиции и порой абсолютно определенные санкции, позволило применять Статут без отсылок к другим нормативным правовым актам. Точное и ясное изложение правовых норм способствовало их применению без дополнительных разъяснений и толкования специально созданных для этого органов. Правильно избранный уровень детализации правового регулирования сообразно индивидуальному правосознанию и правовой культуре той эпохи говорит о высоком уровне юридической техники Статута ВКЛ 1529 г., послужившего в последующем основой для Статутов 1566 и 1588 гг.

Заключение. Великое княжество Литовское представляло собой симбиоз различных этнических культур. Консолидация населения ВКЛ вызвала необходимость подготовки общегосударственного нормативного правового акта, каким явился Статут 1529 г. В принятии Статута были заинтересованы все сословия, но именно шляхта стремилась юридически обеспечить свою экономическую независимость и периодически на сеймах ВКЛ инициировала вопрос о своих «письменных правах».

Статут был подготовлен в великокняжеской канцелярии. Состав разработчиков не известен. Предположительно, в группу авторов Статута мог войти известный белорусский просветитель, ученый, писатель, первопечатник Франциск Скорина.

Принятый на виленском сейме и утвержденный великим князем Сигизмундом I Статут ВКЛ 1529 г. носил прогрессивный характер. Правовые нормы, закрепленные в нем, проникнуты идеей укрепления правовой государственности, предполагающей ограничение власти монарха, правовым закреплением статуса государственных органов, прав и обязанностей коренного населения ВКЛ. По своей типологии Статут ВКЛ 1529 г. является конституцией феодального государства.

Библиографические ссылки

1. *Ермаловіч М.* Беларуская дзяржава Вялікае княства Літоўскае. – Мінск : Беллітфонд, 2000.
2. Дагаворы і граматы як крыніцы беларускага феадальнага права : дапаможнік. – Мінск : БДУ, 2000.
3. *Любавский М.* Литовско-русский сейм. – М., 1900.
4. *Пичета В. И.* История белорусского народа. – Минск : Изд. центр БГУ, 2003.
5. *Юхо И. А.* Правовое положение населения Белоруссии в XVI в. – Минск : Изд-во БГУ, 1978.
6. *Доўнар Т. І.* Гісторыя дзяржавы і права Беларусі : вучэб. дапам. – Мінск : ДІКСТ БДУ, 2011.
7. *Вішнеўскі А. Ф.* Гісторыя дзяржавы і права Беларусі : вучэб. дапам. – Мінск : Акадэмія МУС Рэсп. Беларусь, 2003.
8. *Тарас А.* Краткий курс истории Беларуси IX–XXI вв. – Минск : Харвест, 2013.
9. *Доўнар Ю. П.* Судовая рэформа XVI стагоддзя ў Вялікім княстве Літоўскім. – Мінск : БДУ, 2007.
10. *Колета В. В.* Правовое регулирование мобилизации Посполитого Рушения в законодательстве Великого княжества Литовского в XVI в. по Статутам 1529, 1566 и 1588 гг. // Право и демократия : сб. науч. тр. / редкол. : В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2008. – Вып. 19. – С. 71–88.
11. *Колета В. В.* Правовое регулирование организации армии и обороны государства в Великом княжестве Литовском в XVI в. // Право и демократия : сб. науч. тр. / редкол. : В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2012. – Вып. 23. – С. 73–93.
12. *Місарэвіч Н. В.* Магдэбургскае права на Беларусі. – Гродна : ГрДУ, 2003.
13. *Кодавбовіч В.* Источники городского (Магдебургского) права в городах и местечках на территории Беларуси (XIII–XVIII вв.) // Юстиция Беларуси. – 2014. – № 4. – С. 75–78.

14. *Вішнеўскі А. Ф., Юхо Я. А.* Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў документах і матэрыялах (са старажытных часоў да нашых дзён) : вучэб. дапам. – Мінск : Акадэмія МУС Рэсп. Беларусь, 2003.
15. Статут Великого княжества Литовского 1529 года / под ред. К. И. Яблонского. – Минск : Изд-во АН БССР, 1960.
16. *Лазутка С., Валиконите И., Гудавичюс Э.* Первый Литовский статут (1529 г.). – Вильнюс : Марги Раштай, 2004.
17. *Пичета В. И.* Белоруссия и Литва XV–XVI вв. – М. : Изд-во Академии наук СССР, 1961.
18. *Кабрыяк Р.* Кодификации / пер. с фр. Л. В. Головки. – М. : Статут, 2007.
19. *Ермолович В. И.* Право средневековой Сербии (XII–XV вв.). – Минск : БГЭУ, 2003.
20. *Ясинский М.* Уставные земские грамоты Литовско-русского государства. – Киев, 1889.
21. *Доўнар Т. І.* Помнікі права Беларусі феадальнага перыяду. – Минск : ІСЗ, 2001.
22. *Любавский М.* Очерк теории Литовско-русского государства до Люблинской унии включительно. С приложением текста хартий, выданных Великому князю Литовскому и его областям. – М. : Изд-во об-ва ист. и древн. России, 1910.
23. *Лазутка С. А.* I Литовский статут – феодальный кодекс Великого княжества Литовского. – Вильнюс, 1973.
24. Вялікае княства Літоўскае : энцыкл. : у 2 т. / рэдкал. : Г. А. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 2006. – Т. 2.
25. Вялікае княства Літоўскае : энцыкл. : у 2 т. / рэдкал. : Г. А. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 2005. – Т. 1.
26. *Бардах Ю.* Литовские статуты – памятники права периода Возрождения // Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. / под ред. Б. А. Рыбакова. – М. : Наука, 1976. – С. 71–93.
27. *Юхо І. А.* Крыніцы беларуска-літоўскага права. – Мінск : Беларусь, 1991.
28. *Чудаков М. Ф.* Конституционный процесс в Беларуси (от Привилея Казимира до Конституции Республики Беларусь). – 2-е изд. испр. и доп. – Минск : Академия управления при Президенте Респ. Беларусь, 2008.
29. *Конон В. М.* Гуманистические истоки Статута Великого княжества Литовского 1529 года // Первый Литовский статут 1529 года : материалы респ. науч. конф., посвящ. 450-летию Первого Статута / М-во высш. и средн. спец. образования Литовской ССР, Вильнюс. гос. ун-т, Ин-т истории АН Литовской ССР. – Вильнюс, 1982. – С. 94–103.
30. Францыск Скарына і яго час : энцыкл. давед. / І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелСЭ, 1988.
31. *Чаропко В.* Великие князья Великого княжества Литовского. – 2-е изд., испр. – Минск : Беларусь, 2013.
32. Новый краткий словарь иностранных слов / отв. ред. Н. М. Семенова. – М. : Рус. яз. – Медиа, 2005.
33. *Сільчанка М. У.* Тэорыя крыніц беларускага права. – Гродна : ГрДУ, 2012.

34. *Осипян Б. А.* Статут Великого княжества Литовского 1529 года как первый русский конституционный образец единой христианско-правовой идеологии // Государство и право. – 2011. – № 10. – С. 95–103.

35. *Бибилко В. Н.* Статут Великого княжества Литовского 1529 года как конституция феодального государства // Магдэбургскае права на Беларусі : матэрыялы навук. канф., прысвеч. 500-годдзю выдачы гораду Мінску граматы на Магдэбургскае права (г. Мінск, 26 сакавіка 1999 г.) / Беларус. дзярж. ун-т, Акадэмія МУС Рэсп. Беларусь, Беларус. нездзярж. ін-т правазнаўства. – Мінск : Права і эканоміка, 1999. – С. 46–48.

36. *Бибилко В. Н.* Проблемы юриспруденции : избр. труды. – Минск : Право и экономика, 2010. – С. 129–131.

37. *Бибилко В. Н.* Проблемы правоведения : избр. труды. – Минск : Право и экономика, 2011. – С. 101–104.

38. *Варламова Н.* Конституционализм: вариативность понятия // Сравнительное конституционное обозрение. – 2011. – № 5. – С. 48–57.

39. Гісторыя і сучасная арганізацыя дзяржаўных устаноў Беларусі : дапаможнік / пад агульн. рэд. С. М. Ходзіна. – Мінск : БДУ, 2013.

40. *Бардах Ю.* Штудыі з гісторыі Вялікага Княства Літоўскага : пер. з польск. і фр. – 2-е выд. – Мінск : Медысонт, 2010.

Поступила в редакцию 30.04.2014

УДК 347.4 (09) (4)

В. И. Ермолович

НАСЛЕДОВАНИЕ В ПРАВЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ СЕРБИИ И СТРАН КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)

В статье рассмотрены сербские и реципированные источники средневекового права и права стран континентальной Европы, которые регламентировали порядок наследования. Проанализирован порядок наследования по закону и завещанию, исследованы права и обязанности наследников и наследодателей.

The paper in question substantiates the native and adopted sources of medieval Serbian law and European continent countries regulating succession procedure. Analysed is succession procedure according to the law and under the will, the rights and obligations of a successors and a testators.

Ключевые слова: наследование; наследник; наследодатель; порядок наследования; сравнительный анализ; Сербия; страны средневековой Европы.

Keywords: succession; successor; testator; succession procedure; comparative analysis; Serbia; medieval countries of Europe.